

Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов формирования нового качества социального развития в современной России в условиях нарастающих социальных вызовов. Автор рассматривает четыре ключевых механизма (медиацию, социальный диалог, полисубъектность и конвергенцию), анализируя их роль в поиске новых форм социальной интеграции и развития. Эти механизмы представлены как инструменты для изучения и формирования актуальной меры взаимопроникновения старого и нового, традиций и инноваций, культурной статистики и социальной динамики в различных социокультурных ситуациях и переходных процессах. Автор анализирует посвященные этой проблематике работы участников Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» и предлагает собственную интерпретацию, структурирующую и обобщающую эти исследования. В частности, отмечается, что концепция «надындивидуального как социального всеобщего» В.А. Лекторского является важным шагом в понимании формирования социоиндивидуальных смыслов и преодолении противопоставления личности и общества; подход А.А. Аузана к анализу двухъядерной структуры российской культуры точно отражает специфику проблем социального развития в нашей стране; анализ противоречивости субъекта социального действия в условиях технологизации общества, проведенный О.В. Аксеновой, раскрывает причины сложности совмещения свободы и необходимости, унификации и разнообразия в социальном действии; подход, предлагаемый В.М. Розиным, может способствовать созданию условий для медиационного социального диалога в российском обществе. Аргументирована авторская точка зрения о том, что ни индивидуалистическое, ни коллективистское ядра российской культуры по отдельности не способны обеспечить эффективную модернизацию страны. Предлагается идея конвергенции как способа преодоления крайностей эго-индивидуализма и тоталитарного коллективизма. Выделено три основных направления реализации конвергентных стратегий: синтез индивидуального и социального

в контексте социального действия и диалога, оптимизация взаимодействия между центром и периферией в системе государственного управления, а также разработка и внедрение моделей государственно-частного партнерства как формы экономической конвергенции. Обращено внимание на необходимость поиска новых форм социальной интеграции. Сделан вывод о том, что для устойчивого социального развития России требуется формирование интегративной социоиндивидуальной модели, сочетающей элементы индивидуальной свободы и коллективной солидарности.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, конвергенция, социальный диалог, полисубъектность, надындивидуальное, социоиндивидуальное, унификация, дифференциация, медиационные процессы.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. Медиа́ция и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-135-159

Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue

A.P. Davydov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article investigates the mechanisms shaping a new quality of social development in contemporary Russia amidst growing societal challenges. Four key mechanisms are explored: mediation, social dialogue, polysubjectivity, and convergence. These are analyzed for their role in fostering novel forms of social integration and development. The mechanisms serve as tools for studying and shaping the current interplay between tradition and innovation, cultural stasis and social dynamics across various sociocultural contexts and transitional processes. The paper draws upon works presented at the All-Russian Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society,” offering an original interpretation that synthesizes and structures these studies. Notable contributions include

V.A. Lektorsky's concept of "the supra-individual as social universality," which advances our understanding of socio-individual meaning formation and transcends the individual-society dichotomy. A.A. Auzan's analysis of the dual-core structure of Russian culture aptly captures the unique challenges of social development in Russia. O.V. Aksenova's examination of the contradictory nature of social action subjects in an increasingly technologized society illuminates the complexities of balancing freedom with necessity, and uniformity with diversity in social action. V.M. Rozin's approach is considered for its potential to facilitate mediational social dialogue in Russian society. The author argues that neither the individualistic nor the collectivist cores of Russian culture can independently drive effective modernization. Instead, the concept of convergence is proposed as a means to transcend the extremes of ego-individualism and totalitarian collectivism. Three primary directions for implementing convergent strategies are identified: synthesizing individual and social aspects in social action and dialogue, optimizing center-periphery interactions in governance, and developing public-private partnership models as a form of economic convergence. The study emphasizes the need for new forms of social integration and concludes that Russia's sustainable social development requires an integrative socio-individual model, combining elements of individual freedom and collective solidarity.

Keywords: social philosophy, social development, convergence, social dialogue, polysubjectivity, supra-individual, socio-individual, unification, differentiation, mediation processes.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-135-159

Введение

В условиях нарастающих социальных вызовов, с которыми сталкивается современное российское общество, проблема соотношения индивидуального и коллективного приобретает особую актуальность. Последние три десятилетия характеризуются накоплением ряда острых социальных проблем, включая кор-

рупцию, социальное неравенство, угрозу ценностного раскола между текущими интересами и исторически сложившимися ценностями, доминирование синкретиза «власть-собственность», фактическое отсутствие разделения властей и высокий уровень бедности населения. Ввиду этого возникает настоятельная потребность в поиске новых форм социальной интеграции и развития, способных обеспечить единство общества перед лицом множественных вызовов.

Целью статьи является исследование механизмов, способствующих формированию нового качества социального развития в условиях современной России. В центре внимания находится анализ четырех ключевых механизмов: медиации, социального диалога, полисубъектности и конвергенции. Эти механизмы рассмотрены как инструменты, позволяющие изучать и формировать актуальную меру взаимопроникновения старого и нового, традиций и инноваций, культурной статике и социальной динамики в конкретных социокультурных ситуациях, переходных процессах и точках бифуркации.

В работе отражена познавательная-исследовательская установка, характерная для деятельности Института социологии ФНИСЦ РАН и российской социологии в целом. Эта установка направлена на изучение социального развития индивида и общества, что подразумевает анализ способности субъектов к формированию нового качества развития, социального действия и диалога. В исследованиях российских социологов внимание уделено рассмотрению социального субъекта в различных контекстах его проявления, от повседневных практик (частных разговоров и взаимодействия) до институциональных форм (торговли, спорта, науки). При этом учитывается, что указанные социальные группы могут быть как ситуационно рождающимися и распадающимися, так и более устойчивыми. Это создает сложную динамику социального взаимодействия. Методологический подход, применяемый в данных исследованиях, опирается на традиции, заложенные А. Шюцем, Б. Латуром и А. Туреном. Но в настоящее время требуется адаптация методов социокультурного анализа к реалиям современной России, находящейся в условиях глобального конфликта и поиска новой меры своего единства. Необходимы разработки новых методологических средств, пригодных для изучения сложных и противоречивых процессов в российском обществе.

Статья построена на анализе работ авторов-участников дискуссий, проведенных в рамках секции «Проблемы медиации и диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» [Давыдов 2023]. Проанализированы ключевые идеи и подходы, предложенные участниками конференции и посвященные определению новых теоретических и методологических перспектив в исследовании социального развития индивида и общества. Критически анализируя работы коллег, автор стремится выявить в них то, что вносит вклад в исследование механизмов, способствующих формированию более интегрированного и устойчивого социального порядка, сочетающего индивидуальную свободу и коллективную солидарность.

1. Эпистемологические основания медиации, диалога и конвергенции

Надындивидуальное в межсубъектном медиационном. Фрейд – о неизбежности социокультурного раскола, Лекторский – о возможности синтеза. В центре внимания участников заседания секции и подготовленных ими работ оказалась тема индивида как субъекта социального развития. Ее представил академик РАН и РАО **В.А. Лекторский** (Институт философии РАН). В своем выступлении и впоследствии в своей статье Лекторский не только поддержал устремленность участников конференции прежде всего на прояснение логики формирования социоиндивидуальных смыслов в акте группообразования, но и внес в эту идею важный элемент, который оказался особенно полезным для реализации целей конференции, но не прозвучал четко в ее программе [Давыдов 2023]. Лекторский пишет: «Ценности носят надындивидуальный характер. Индивид не изобретает их, а обретает в рамках той или иной коллективной общности: культуры, страны, социальной группы. Это происходит в результате вхождения человека в тот или иной (большой или малый) коллектив. Особенность великой личности, отличающая ее от других, состоит не в том, что она не похожа на остальных людей, мы все не похожи друг на друга. Ее особенность заключается в том, что такая личность наиболее полно выражает и осуществляет всеобщие, надындивидуальные, сверхиндивидуальные смыслы» [Лекторский 2024, 17]. Из этого следует следующий вывод: надындивидуальное, сверхиндивидуальное как социальное всеобщее Лекторского находится не

в Сверх-Я Фрейда, а в самой сути Я, в ее культурном ядре, в культурном коде. Процесс конвергентного формирования социоиндивидуального – это не искусственное взятие немного от черного и немного от белого, чтобы получить серое, а процесс естественный, органический и творческий.

Изложенная идея Лекторского видится важной для отрасли социологии, которая изучает механизмы группообразования и интерпретирует т.н. философский парадокс: *чем более всеобщий характер имеет деятельность личности, т.е. чем более личность социальна, тем более она личностно индивидуальна. Дополним: и тем более она личностно социальна.* Каким образом этот парадокс разрешается в процессе современного социального развития?

Речь идет о том, что в настоящее время в социальных науках постепенно складывается точка зрения, согласно которой исторически сложившийся капиталистический свободный рынок и управляемая корпорациями Я(Эго)-демократия, как и управляемый государственно-партийной бюрократией централизованный советский Мы-коллективизм, в качестве доминирующих субъектов социального развития все менее адекватны вызовам времени. *Необходима конвергенция, т.е. медиационный (от лат. *mediāna* – «середина»; от лат. *media* – «среда»; от англ. *mediation* – «поиск середины, медиа́ция») отказ от мышления противоположными черно-белыми абсолютами как монологичными крайностями, и нужен диалогичный поиск некоторой третьей формы межсубъектных отношений, который взял бы все лучшее, что создали эти уклады, но развивался бы на собственном альтернативном основании.* Возникает вопрос о том, как создать медиационное основание и каким образом через социальный диалог может быть создан медиационный субъект социального развития, т.е. как получить конвергенцию? Ответа на этот вопрос в той форме, в которой он поставлен, пока нет.

Но в науках появляются формы, через контуры которых просвечивает общая идея будущего общественного устройства. Этим обусловлен и основной пафос заданной конференцией исследовательской программы, предлагающей ввести в научный оборот относительно новые понятия. Среди них – «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального» и «социоиндивидуализм». Перечисленные понятия не говорят о том, какое общество индивиду нужно. Они лишь призывают аналитиков осуществлять прагматический поиск индивида как

нового субъекта в рамках познавательной установки, нацеленной на социальное развитие общества, не уходя ни в академизм, ни в историзм, ни в ту или иную политизацию, не преувеличивая значимость индивидуализации, социализации и постоянно совершенствуя методологию поиска адекватной социоиндивидуальной меры взаимопроникновения смыслов Я, Ты, Мы. Лекторский предлагает свою форму поиска такой меры.

В данном контексте уместно вспомнить концепцию З. Фрейда. По мере развития индивида происходит становление Я и формирование Сверх-Я. Сверх-Я психоанализа Фрейда включает в себя мораль и социальные стандарты (Мы), находится вне Я(Эго), в обществе, которое подавляет свободу Я.

Я(Эго) Фрейда – посредник между Сверх-Я и Ид (носителем природных рефлексов, примитивных инстинктов и первичных позывов) путем создания защитных механизмов: вытеснения, проекции, регрессии, сублимации, рационализации и др. Эпицентр внутреннего диалога между всеми составляющими сложной сферы Я находится, по Фрейду, в области Эго [Фрейд 1999]. Аналогично определен эпицентр этого диалога и в классической философии, названной в ряде работ эгологией.

Введением представления о «надындивидуальном как социальном всеобщем» Лекторский не отменяет ни Фрейда, ни достижения философской классики, но существенно уточняет их: он частично переводит эпицентр диалога между составляющими Я из сферы Эго в сферу Над-Эго, т.е. в область «надындивидуального», в которой формируются Я-ориентированное социальное, социокультурное и Я-Ты-Мы социоиндивидуальные ценности¹. Исторически сложившиеся социальные стандарты, мораль, располагающиеся в Сверх-Я, противостоят Я(Эго) в схеме Фрейда, а социоиндивидуальное/социокультурное Над-Эго Лекторского – это суть Я, его культурное ядро, способное выразить себя в формируемом им социоиндивидуальном и не способное воспроизводить себя иначе. В теории конвергенции с помощью Лекторского образуется тем самым область социокультурного

¹ Следует отличать «надындивидуальное как социальное всеобщее» В.А. Лекторского от «сверхиндивидуального, абсолютного, чистого Я» как «абсолютного субъекта» Фихте, радикально отличного от эмпирического Я (т.е. от самосознания реального человеческого индивида). Абсолютный субъект Фихте полагает самого себя, т.е. творит самого себя, но вместе с тем полагает существование не-Я, которое таким образом оказывается условием бытия абсолютного Я.

диалога и полисубъектности, в которой через индивидуализацию социального стремятся к синтезу противоположности: *надындивидуальные текущие интересы личности (общество) и надындивидуальные базовые ценности личности (культура)*; снимается острота социокультурного противоречия. Теория З. Фрейда объясняет раскол между культурой и обществом в Я, теория Лекторского помогает понять, как его преодолеть. Фрейд говорит о неизбежности социокультурного раскола, Лекторский – о возможности синтеза.

Проницаемость границ между Я, Ты и Мы в акте конвергенции. Однако абсолютного синтеза не бывает. И при соединении противоположностей (в нашем случае интересов и ценностей, индивида и общества/культуры, морали и *ratio*, науки и мифа, своих и чужих, Я и Мы, центра и регионов) частный, казалось бы, вопрос о проницаемости границ между стремящимися к конвергенции Я-индивидуализмом и Мы-социальностью упирается в общий вопрос о разграничивающей функции между противоположностями в системе «Я – Другой». Философы России и Германии в коллективной монографии «Разум и экзистенция» подошли к проблеме границы, поставив вопрос о «скользящей» (термин В.А. Лекторского) и «мерцающей» (термин М.Н. Эпштейна) границе между верой и знанием: «Не назрела ли необходимость отойти от традиционных схем, в которых либо разуму, либо морали приписывается некая изначальная фундаментальность? Быть может эти “атрибутивные свойства человека” сегодня уже должны рассматриваться в нерасторжимом единстве: внеморальный разум неразумен, внеразумная мораль неморальна... Такое единство с трудом рационализируется в непротиворечивых понятийных системах, но явно ощущается на уровне экзистенциальной проблематики» как индивидуального, так и коллективного существования [Касавин, Порус 1999, 17].

Проницаемость границ между социальным и индивидуальным расширяет возможности конвергенции этих смыслов как путь в новый, третий и неведомый ранее, синтетический смысл. Но перспектива новой жизни чаще отпугивает субъекта, чем привлекает. Почему? Коммуникация, диалог, проницаемость границ, доверие, любовь, любая совместность резко расширяют рамки социального действия. Человек, однако, часто опасается признаться в том, что он испугался расширившихся масштабов ответственности, сознаться, что в нем рождается не радость

от появления новых возможностей самовыражения, и даже не столько опасение потерять имеющееся в наличии, сколько страх обнаружить свою неспособность адекватно ответить на новый вызов жизни, т.е. выглядеть неадекватом, трусом и, обнаружив себя истинного, потерять лицо. Что именно угнетает его? Он боится быть поглощенным новыми смыслами, угрозой деперсонализации, окаменеть (термин Р. Лэнга) перед лицом нового многообразия, потерять исторически сложившееся и замкнутое только на себе, локальное Я. В итоге возникают онегинщина, пилатовщина, шариковщина, подпольность подпольного человека, которые порождают в психике человека новую доминанту: отчаяние, депрессию, тоску, пустоту и страх жить. Конвергенция живет не в Ид, не в болоте Эго-Я и Сверх-Я Фрейда, она обитает в царстве надындивидуального как социального всеобщего Лекторского, и путь в такое царство не подарок. Медиация, социальный диалог, полисубъектность, конвергенция – это то, что можно только завоевать, овладеть и освоить, а значит, иметь мужество быть (П. Тиллих), т.е. бороться с собой сложившимся, рисковать, чтобы измениться и победить.

Противоречивость субъекта социального действия О.В. Аксеновой в условиях технологизации общества. Социализация индивида через универсализацию (унификацию) и дифференциацию (разнообразие). Интеграция индивида в социальное, о которой размышлял В.А. Лекторский, – необходимый, но сложный, противоречивый, опасный процесс, грозящий субъекту атомизацией, о которой предупреждает З. Бауман [Бауман 2005], и расколом². Субъект ***О.В. Аксеновой*** (Институт социологии ФНИСЦ РАН) погружен в эту опасную среду. Он вынужден интегрироваться в нарастающий процесс технологизации, цифровизации общества, но обнаруживает, что становится технологом-винтиком в машине. Об этом писал еще К. Маркс, исследуя первоначальное накопление и конвейеризацию капиталистического способа производства. Человек-винтик протестует: хочет ощущать себя творческой личностью, независимой от диктата, который подавляет свободу его творчества, стремится изменить технологию, принятую в обществе, т.е. не быть только субъектом-технологом. Аксенова тем самым присоединяется к негативным оценкам, которые дают технологизации общества

² О расколе см. мою статью «Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса» [Давыдов 2024].

К. Маркс, З. Бауман и В.А. Лекторский, акцентируя внимание на том, что технический прогресс может быть социально ущербен в индивидуализированном обществе.

Процессы стандартизации, препятствующие отклонениям от установленных норм и правил, Аксенова называет *унификацией* в контексте интерпретации А.С. Ахиезера³. И в технологизации производственного процесса, строительства, инженерии, масштабировании успешного эксперимента унификация видится оправданной. Но в сфере управления в условиях нарастания необходимости совершенствования связи «центр – регионы», в которых центр и регионы через диалог вместе ищут адекватную меру взаимопонимания и взаимодействия, унификация может способствовать развитию монологичных процессов в управлении и застойных процессов в динамике социального развития, подавлять дифференциацию и уничтожать разнообразие. Почему так происходит?

О.В. Аксенова размышляет о нарастающей атомизации как «редукции личностной сложности», «исчезновении индивидуальности» и «утрате субъектности» в социальном действии субъекта, погруженного в технологический прогресс. Действие технологической системы тотально: оно колонизирует общество, культуру, сознание человека. В условиях глубокой втянутости современного субъекта социального действия в технологии, осо-

³ А.С. Ахиезер, анализируя социокультурные процессы, обращал особое внимание на феномен унификации, рассматривая его как механизм, возникающий в ответ на чрезмерное с точки зрения существующей культуры разнообразие. По мнению философа, унификация выступает как своеобразная защитная реакция общества, стремящегося упростить и стабилизировать социальные отношения в условиях нарастающей сложности. Он делал акцент на том, что унификация может стать инструментом политики правящих элит, используемым для решения «медиационной задачи» – установления связи между властью и массовым сознанием. При этом указывал на потенциальные негативные последствия такой политики: «Унификация – преграда развитию общества, предпосылка снижения его творческого потенциала, социальной энергии, уменьшения возможности отвечать на вызов истории» [Ахиезер 1998, 514]. Важно отметить, что Ахиезер рассматривает унификацию не как единовременное явление, а как постоянно действующий процесс, интенсивность которого может варьироваться в зависимости от уровня разнообразия в обществе: «Борьба за унификацию идет постоянно, и интенсивность ее может расти с ростом разнообразия общества. В каждый период, на каждом этапе могут появиться новые “враги” – кооператоры, арендаторы, предприниматели и т.д.» [Ахиезер 1998, 514].

бенно в новые технологии, колонизованное сознание оказывается фрагментированным, расколотым и неспособным интегрировать многочисленные, часто противоположно действующие фрагменты в виде единства Я. Возникает странный феномен: «субъектность в технологической системе переходит к самой системе» [Аксенова 2024, 86]. Аксенова фиксирует: российские социологи для обозначения этого опасного процесса в сферах образования и управления предлагают новые термины, такие как «бюропатология» или «менеджеризм».

Раздвоенность субъекта Аксеновой и две противоположно направленные подсистемы управления позволяют обнаружить, что в условиях отсутствия внутреннего диалога между ними одна подсистема становится управляющей, другая – управляемой. Как правило, управляющей является технологическая подсистема, успешнее решающая текущие проблемы, но не заинтересованная в изменениях стратегического характера. Замкнутая на себе, она выступает не только субъектом власти, силы, но и владельцем собственности, через институт «власти-собственности» единолично формируя и направляя ежедневную деятельность иерархически выстроенной системы управления в целом. Рано или поздно созданная монологичная монополистическая система становится неэффективной, и ее заменяют новой, включающей в себя открытость, инновацию и диалог. Именно таким образом происходил развал командно-административной системы управления в СССР.

Следовательно, современному обществу нужна целостная система управления, включающая в себя оба взаимодополняющих режима: управления и самоуправления, организации и самоорганизации, регулирования и саморегулирования, унификации и дифференциации. Необходимы конвергенция и *медиационный процесс*, нацеленный на поиск адекватной меры взаимопроникновения и взаимодополнения этих противоположностей. Обсуждавшаяся на заседании секции мера несет в себе двойственную функцию: *устойчивость и изменчивость*, нацеленность на дифференциацию и унификацию, способность к консерватизму и реформизму. *Сохранение баланса* между ними измеряется эмпирически и достигается через самокритичный внутренний диалог обеих подсистем управления социальным действием субъекта социального развития.

В состав эпистемологических оснований социального развития, как и социального диалога, по необходимости входит и культура.

Культурные основания экономики и социального развития исследует А.А. Аузан (МГУ имени М.В. Ломоносова).

От двухъядерности в культуре к конвергенции. Проблема перехода. А.А. Аузан исходит из существования в России двух культурных ядер: индивидуалистического («И-России») и коллективистского («К-России»). «И-Россия», по его наблюдениям, включает в себя мегаполисы, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также Сахалин как «столицу российского индивидуализма». Аузан утверждает, что индивидуализм развивается сильнее всего в ситуации, при которой человек выходит из привычной общины. Это происходит в двух случаях: при переезде в большой город или при освоении новых земель. Аузан подчеркивает, что наличие этих двух полюсов – индивидуалистической России в мегаполисах, а также к востоку от Урала и коллективистской России на остальной территории – создает спрос на разные институты, что представляет в действительности проблему для страны. Он также обращается к концепции С. Хантингтона о «разорванных» странах, которые в процессе противостояния экспансии Запада переняли его управленческую, военную, технологическую культуру и в результате обрели два культурных ядра [Хантингтон 2014]. К таким странам Хантингтон относил Японию эпохи Мэйдзи, Россию периода петровских реформ, Мексику времен революции 1910–1917 годов. Аузан дополняет к этому списку Турцию времен кемалистских реформ. Основная проблема, по мнению Аузана, заключается в том, что культура служит источником спроса на определенные институты, системы правил и механизмы принуждения к их исполнению. Два различных культурных ядра, существующих в России, генерируют разный спрос на институты, что создает сложности в управлении и развитии страны.

А.А. Аузан рассуждает о главной специфике России, в частности о ее двухъядерности, и об истории ее рождения. Он спрашивает: «На что генерируется спрос разными культурными ядрами?» И отвечает: «И-Россия предъявляет спрос на институты демократии, свободное предпринимательство, модернизацию. К-Россия предъявляет спрос на институты социальной защиты, перераспределения, государственной поддержки. Два сигнала поднимаются, происходит аннигиляция, мы имеем слабую институциональную среду и ручное управление со стороны власти, потому что в К-России это по существу политическая опора, это мощная

электоральная поддержка. А И-Россия – возможность реализации проектов развития. Это два мотора, каждый из которых способен обеспечить модернизацию»⁴.

С изложенной позицией трудно согласиться. Проблема России в этом и состоит: ни И-ядро, ни К-ядро, каждое в отдельности, как бы ни выглядели перспективно при взгляде со стороны не в состоянии обеспечить модернизацию России. Почему? Потому что К-ядро – исторически сложившийся культурный код России – ввиду специфики исторического развития и воспитания всегда отторгал идею частной собственности, индивидуализма, индивидуальных социальных отношений, независимости личности, самостоятельности социального действия, достоинства и прав гражданина. Смысл Я, если он предстает в качестве субъекта межсубъектных отношений в исторических документах, всегда интерпретирован через идеалы господства и подчинения. Поэтому модернизация развития страны, о которой говорит Аузан, возможна сегодня только через модернизацию этих отношений: 1) совместные усилия обоих ядер; 2) нахождение через диалог между ними адекватной меры совместности; 3) доминирование в социальных отношениях норм гражданского права. Кроме того, необходимо привести в действие некоторые социальные механизмы, которые до сих пор молчат. Это демократические механизмы, но приводимые в действие внешними, т.е. авторитарными усилиями, поскольку изнутри, «снизу», т.е. сами собой, стихийно эти механизмы в России, как правило, не начинают работать. О каких механизмах идет речь?

2. Основные механизмы конвергенции

Середина, поиск середины, медиация – это сфера спора и поиска баланса между обычаем/привычкой мыслить стереотипами, традиционно и потребностью субъекта в новом уровне свободы через способность мыслить инновационно. *«Середина (медиация)-для»* – представление о субъектности «сферы между» культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через раз-

⁴ Выступление А.А. Аузана «Индивидуализм и коллективизм как факторы спроса на институты» на заседании секции «Культура, общество, межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы социального диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» 24 мая 2024 года в Институте социологии ФНИСЦ РАН.

вите себя как основания этого развития. Такая метафора, описывающая механизм служения партнеров друг другу на общем основании, родилась в моем анализе под влиянием методологии В.А. Лекторского, анализировавшего концепты «Я-для-другого» и «Другой-для-меня» М.М. Бахтина [Давыдов 2021]. «Середина (медиа́ция)-от» – представление о том, что «середина» раздвоена и амбивалентна. Принцип сотрудничества ее частей «друг-для-друга» М.М. Бахтина и В.А. Лекторского осуществляется, взаимодействуя с принципом «их независимости друг-от-друга» Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. «Для» и «от» в данном случае тождественны, поскольку нацелены на решение общей задачи – поиск адекватной меры совместности в целях стимулирования социального развития [Давыдов 2020, 559–561]. *Медиа́ционный процесс* – это динамика мышления и поведения социального субъекта (индивида и/или группы), освобождающегося от диктата монологических соборно-авторитарных полюсов управления обществом и переходящего к методологии принятия индивидуальных решений в межполюсной «сфере между» на собственном основании; этот процесс имеет три этапа: 1) акт критики абсолютов; 2) процесс поиска индивидуальной альтернативы через диалог старого и нового, традиций и инноваций, культурной статистики и социальной динамики в себе, исторически сложившихся ценностей и текущих интересов как нового (третьего) основания своего бытия; 3) поиск синтеза (конвергенции) индивидуального и социального в некоем социоиндивидуальном на новом (конвергентном) основании.

Основной вопрос медиа́ции образуется из того, что она, как поиск середины, противостоит инверсии как метанию мысли между черно-белыми полюсами-крайностями по формуле «либо – либо». Инверсия и медиа́ция взаимоисключают и взаимодополняют друг друга в смыслогенезе. Поэтому этот основной вопрос медиа́ции заключается в том, как определить меру медиа́ции в мышлении и принятии решений, нацеленных на социальное развитие.

Интерпретация идеи медиа́ции и существа медиа́ционного процесса. А.Х. Мариносян (МГПУ) изучает концепцию *инструментального (субъективного) разума* известных западных аналитиков мышления и социального поведения М. Хоркхаймера и Т. Адорно в их совместной работе «Диалектика Просвещения» (1947) и в книге Хоркхаймера «Затмение разума» (1947) [Хоркхаймер, Адорно 1997; Хоркхаймер 2011]. Он приходит к

выводу о том, что образ инструментальной рациональности в этих работах – эффективное методическое средство изучения динамики смыслов в культуре и обществе. Указанные авторы, исследуя работу европейского инструментального разума, дают ей отрицательную оценку, и Мариносян с такой оценкой согласен. По существу, Хоркхаймер и Адорно со своими критическими оценками просвещенческого культа рациональности встают в один ряд с такими выдающимися критиками европейского рационализма, как Ж. Руссо, И.Г. Гердер, О. Шпенглер и др. Хоркхаймер и Адорно полагали, что инструментальный разум, сводящий знание к техническим и утилитарным целям, приводит к отчуждению человека от природы и общества, а также к подавлению индивидуальности и критического мышления. Согласно их анализу, преобладание инструментального разума в культуре и науке способствует формированию тоталитарных тенденций и ограничивает возможности для подлинной эмансипации человека. Однако в статье Мариносян не ограничивается критикой, утверждая, что инструментальный разум одновременно вносит вклад в цивилизационное развитие человека, общества, производства, городской среды, европейской социальности, являясь фактором экономического и социального развития.

Каков же вывод? Как соединить противоположности? Это главный вопрос, который ставит Мариносян. Ответ найден в контексте медиационной теории, ставшей основной темой исследовательской программы нашей секции: чтобы уметь снимать противоречия, соединять несоединяемое, нужно осваивать межсубъектный диалог, учиться диалогу.

Вторая важная медиационная проблема, отраженная в работе А.Х. Мариносяна и находящаяся в центре цивилизационного мышления ученых и политиков, обеспокоенных судьбами мира, – способ общения между людьми, группами, народами. Как возникла эта проблема? Она вытекает из исторически сложившегося противоречия между колонизаторским мышлением представителей европейской культуры и слабым уровнем социально-экономического развития стран третьего мира, из постоянного стремления «золотого миллиарда» эксплуатировать население стран Азии, Африки и Латинской Америки, из привычки западного Я «дружить» со всеми, которые не-Я,

в основном методами овладения и контроля, игнорируя принцип равноправия и взаимной выгоды [Лекторский 2009, 43–44].

А.Х. Мариносян анализирует технологию равноправного общения, разработанную американскими социологами Р. Бушем и Дж. Фолджером [Bush, Folger 2004] и названную ими «трансформационной медиацией». Эта теория двухъярусная: она смещает фокус с достижения конкретного соглашения по спорным вопросам на преобразование характера коммуникации между сторонами. Главная ценность медиации американских авторов заключается в улучшении взаимопонимания и формировании у участников диалога навыков конструктивного взаимодействия: «Даже если непосредственное соглашение не достигнуто, но стороны обрели новое видение ситуации и новые поведенческие модели, процесс можно считать успешным... Медиация здесь выступает не просто как техника урегулирования конфликта, но как практика преобразования социального контекста, расширения пространства личностной автономии и осознанной ответственности. Через развитие субъектности и взаимное признание Я и Другой обретают способность дистанцироваться от диктата отчужденных социальных сил и формировать новые, более гуманные основания своих отношений» [Мариносян 2024, 129]. В этом выводе прослеживается шаг новизны в теоретизировании Мариносяна, состоящий во включении в диалог не только субъектов переговоров и предмета их спора, но в целом спектра атмосферы переговоров, доверия между переговорщиками как основания переговоров (диалога) и главного предмета переговоров. Не удалось договориться в этот раз – не страшно, родившееся доверие позволит договориться в следующий раз. О медиации как об отдельном процессе писал Ахиезер, о диалогизации как об отдельном процессе размышлял Библер. Мариносян правомерно соединил эти процессы, создав новое теоретическое основание межсубъектного диалога.

Таких теорий, какую представили Буш и Фолджер, не бывает слишком много. Почему? Основной постулат их теории не является новым, но он всегда актуален. Этот постулат взят из теоретизирования выдающегося американского бизнесмена и ученого Д. Карнеги. Карнегианство и сегодня видится актуальным, и даже более, чем во время его зарождения, поскольку оно нацелено на формирование взаимопонимания людей между собой, на превращение врагов если не в друзей, то хотя бы в партнеров по диалогу [Карнеги 2024].

Суть основного вывода, сформулированного в статье Мариносяна, сводится к тому, что трансформационная медиация созвучна идее коэволюции Н.Н. Моисеева, в которой В.А. Лекторский видит новую онтологию, противопоставленную теории антропоцентризма [Моисеев 1995; Лекторский 2004]. Сегодня, когда мир стоит на пороге третьей мировой войны, Мариносян ведет речь о переходе от логики господства и контроля, характерной для инструментального разума, к партнерству и сотворчеству в отношениях «Я – Другой»: «Задача – не победить противника, а вместе создать такую реальность, в которой будут удовлетворены интересы и потребности всех участников диалога» [Мариносян 2024, 129].

Социальный диалог как проактивное социальное действие Я-субъекта. Согласно **В.М. Розину** (Институт философии РАН) социальный диалог формируется как реакция на образ жизни, на самовыражение Другого как субъекта своего социального действия, на его зов, призыв, который не адресован непосредственно кому-либо, а представляет собой публично выраженный способ мышления, образ жизни, переживания, метод принятия решений, вопрошание. Я-субъект может выразить свое отношение к этому социальному действию Другого, ответить на поставленный им вопрос, сформировав тем самым обратную связь, открыв диалог с ним, давно умершим (например, с Иовом или Иисусом). Этот продолжающийся веками многовекторный диалог может рассматриваться как социальный диалог, потому что его субъекты оперируют данными, отражающими различные накопленный веками социальный опыт. Следовательно, в этом типе связи работает философский парадокс: чем более общий характер несет аргументация индивида, тем более она личностно индивидуальна (В.А. Лекторский) и личностно социальна (А.П. Давыдов). Например, В.М. Розин приводит точку зрения одного из известных последователей Г.П. Щедровицкого, который «защищает российскую традицию, но не считает, что она сводится к тоталитаризму. По его мнению, тоталитаризм – крайний случай, наблюдавшийся в периоды правления Ленина и Сталина, но в целом “русская модель управления” представляет собой более сложное явление. <...> именно “авторитарные” Россия, Китай и другие страны мирового большинства через такие объединения, как БРИКС и ШОС, в настоящее время продвигают процесс формирования нового, более справедливого мирового порядка» [Розин 2024, 69].

Отражая точку зрения определенного слоя элитарного сознания России, этот методолог вступает в медиационный социальный диалог, дискуссию с ее слоями, которые защищают крайности, т.е. либеральный подход, призывая к модернизации западного типа, и с ее социальными группами, ратующими за реставрацию советских методов управления обществом.

Основной вопрос социального диалога состоит в следующем. Как элитарному сознанию определить свою политическую позицию таким образом, чтобы она отражала интересы населения и одновременно была нацелена на социальное развитие общества?

Полисубъектность как совместная субъектность двух и более субъектов социального действия, как новый методологический инструмент изучения процесса социального развития. Полисубъектность объединяет через медиацию и социальный диалог в некое ограниченное единство субъектные способности оппонирующих субъектов: индивида и общества, города и деревни, гражданского права и этнокультурных обычаев, власти и населения, власти и бизнеса, центра и регионов, крупного бизнеса и малого и среднего предпринимательства, управления и самоуправления, организации и самоорганизации, процессов дифференциации, нацеленной на стимулирование развития и формирование нового разнообразия, и унификации, ограничивающей масштабы и скорость дифференциации через идеал уравнительности, и т.д. Полисубъектность – способ превратить противников в партнеров, а спор – в продуктивный диалог. Совместное обсуждение/управление деятельностью со стороны субъектов полисубъектности по необходимости сопровождается постоянной верификацией и уточнением этими субъектами меры достигнутой совместности. В итоге поиск меры взаимодействия/совместности, как и межполюсная проблематика «между», обретает общенаучное значение, становится не только методологической, но и теоретической (логической, социально-экономической, социокультурной, психологической, политической) проблемой развития индивида и общества, генеральной темой социальных наук.

И.А. Савельев (Институт социологии ФНИСЦ РАН), предлагая свой ответ на предложенную конференцией исследовательскую программу соединения индивидуального и социального, обращается к полисубъектности, которую он понимает как диалогич-

ную форму медиационного процесса: 1) отказ от абсолютизации монологизма центра и регионов в контактах между ними как разрушительных крайностей; 2) через диалог между ними, формирование адекватной меры совместности в деле синергетического социального развития страны [Савельев 2024]. По мнению Савельева, полисубъектность – это способ дифференциации, т.е. способ формирования нового социокультурного и социально-экономического разнообразия в процессе совместного развития центра и регионов. Более того, И.А. Савельев обнаруживает закономерность состоящую в том, что уровень развитости региона по шкале, предложенной Н.И. Лапиным, и уровень развитости полисубъектности как адекватная мера совместности усилий центра и региона в управлении этим регионом имеют прямую зависимость: чем более развита полисубъектность в управлении регионом, тем более регион развит.

По существу, О.В. Аксенова и И.А. Савельев, изучая отношение «центр – регионы», работают примерно в одной социально-политической парадигме: «унификация через диктат (монолог) технологической системы, ведущая к унитарному государству, формированию “власти-собственности” и убийству гражданского общества – дифференциация, через полисубъектность и диалог центра и регионов, синергетически ведущая к новому социокультурному и социально-экономическому разнообразию». Или: «формирование медиации, диалога, медиационных процессов – разрушение медиации, диалога, блокирование медиационных процессов». Аксенова делает акцент на втором, Савельев – на первом.

Эти ученые описывают сложность и рискогенность процесса медиации и конвергенции. В чем состоит сложность и опасность социального бытия субъекта Аксеновой? Он должен совместить в себе не просто противоположности (свободу и необходимость), а такие смыслы, которые взаимоисключают друг друга. В инженерии, технологии такое совмещение становится несложным, поскольку оно вытекает из инструкции: в одних случаях субъект социального действия должен четко следовать правилу, установленному алгоритму, в других – самостоятельно принять оптимальное решение, опираясь на собственные способности, мастерство и опыт. Если применить методологию Аксеновой к социально-политическому изучению дихотомии «центр – регионы», то ситуация не покажется легко решаемой в рамках единой для всей системы управления регионом.

Безусловное достижение обоих исследователей видится в том, что их субъект – раздвоенный, противоречивый, а значит, живой, реальный, не голая социальная схема, а действительное социально-индивидуальное бытие. И этот бытийствующий раздвоенный и не способный преодолеть внутренний раскол «гадкий утенок» Аксеновой и Савельева упорно хочет выжить в отведенном ему «просвете бытия», пытаясь соединить противоположности в своем социальном действии. У субъекта Аксеновой это фатально не получается, и беспощадная практика, сваливаясь в диктат технократической односторонности, дает многочисленные примеры неудач в его социальном развитии. Раздвоенный субъект Савельева, ищущий способ преодолеть угрозу внутреннего раскола через диалогичную полисубъектность как форму медиации и диалога, также не приходит к конвергенции. Но существует множество примеров успешного синергетического развития. Методология обоих исследователей имеет большие резервы для совершенствования, и это дает основание полагать, что их «гадкий утенок» рано или поздно научится соединять несоединимое и вырастет в прекрасного лебедя.

Введение в научный оборот любой формы синтеза (конвергенции) индивидуального и социального, успешного и безуспешного требует главного изменения в методологии их изучения, в частности нового императива в понимании человека. Нужно отказываться от изучения абстрактного человека, который «звучит гордо» в его монументальной нововременной целостности, и переходить к изучению конкретного человеческого в человеке, т.е. изучать способность человека быть человеком в конкретных условиях. Другими словами, нужно измерять человеческое в человеке его способностью работать над своими способностями. Это диктуют нам неклассическая эпистемология и социальные науки в Европе и России в XXI веке, обязывает нас понимать человеческое в человеке конфуцианство, начиная от зарождения в V веке до н.э. Но, если конфуцианство за два с половиной тысячелетия не изменило отношение к проблеме человека, то европейско-российская наука существенно изменилась. Именно в парадигме такого изменения и находятся представленные исследования, связывая вопросы индивидуализации и коллективизма с теориями медиации и диалога и через эту привязку пытаясь внести вклад в удовлетворение нарастающей потребности представления о конвергенции. Основной вопрос полисубъектности: *как формировать адек-*

Заключение

Поиск меры соединения противоположностей в условиях социальной динамики становится главным направлением современных социальных методологий. Последней областью, в которой ученые рассуждали о мере соединения несоединимого как методологии социального развития, была проблема конвергенции идей капитализма и социализма во что-то третье, объединяющее оба уклада, но развивающееся на собственном основании. Это направление исследования конвергенции в России, видимо, безвозвратно погибло⁵.

Вместе с тем актуален именно такой подход к проблеме соотношения индивидуального и коллективного в современном обществе, который предполагает отказ от крайностей эго-индивидуализма неолиберальной модели и тоталитарного коллективизма совет-

⁵ Уместно вспомнить о том, что роль теории конвергенции в развитии общества анализировал В.И. Дашичев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН; председатель Научно-консультативного совета при МИД СССР (1987–1989); профессор берлинского Свободного (1991), Мюнхенского (1992) и Мангеймского университетов (1996). Он критически оценивал подход советского руководства, отвергавшего принципы конвергентного развития. Дашичев писал: «Отбросив прочь принципы конвергентного характера развития человечества, объявив теорию конвергенции чуть ли не контрреволюционной, советское руководство исходило из того, что существующая советская система является верхом совершенства» [Дашичев 2011, 75]. В противовес этому ученый приводил в качестве примера успешный опыт Китая: «Китайский опыт продемонстрировал громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма» [Дашичев 2011, 77]. Дашичев обращал внимание на то, что идея конвергентного развития поддержана многими выдающимися мыслителями, включая В. Ойкена, П.А. Сорокина, Дж. Гэлбрейта и др. Среди российских ученых он выделял Н.А. Бердяева и А.Д. Сахарова. О взглядах других исследователей Дашичев писал: «Сорокин, Тинберген и Гэлбрейт рассматривали возможности конвергенции капитализма и социализма. Они считали, что... тенденции экономического, социального и структурного развития индустриального общества неизбежно порождают условия для сближения (конвергенции) планового и рыночного хозяйства» [Дашичев 2011, 79]. Таким образом, Дашичев в своих работах обосновывал важность теории конвергенции для понимания глобальных процессов развития общества и экономики.

ского типа. Следует рассмотреть возможности конвергенции в понимании таких ключевых социальных оппозиций, как общество и индивид, государство и гражданин, власть и человек. Целью конвергенции является формирование интегративной социоиндивидуальной модели, способствующей синергетическому развитию всех компонентов социальной системы.

В рамках этой парадигмы можно выделить три главных направления реализации конвергентных стратегий:

1. *Синтез индивидуального и социального в контексте социального действия и диалога.* Данное направление предполагает исследование взаимопроникновения процессов индивидуализации социального и социализации индивида, что нашло отражение в работах М.Ф. Черныша, В.А. Лекторского, В.М. Розина. Данный подход позволяет преодолеть традиционное противопоставление личности и общества, формируя более целостное понимание социальных процессов.

2. *Оптимизация взаимодействия между центром и периферией в системе государственного управления.* Указанное направление охватывает различные уровни социальной организации – от федерального центра до отдельного индивида. Конечной целью выступает совершенствование механизмов социальной политики на всех уровнях общественного устройства. Изучением данной проблематики активно занимаются сотрудники Центра социологии управления и социальных технологий, а также других подразделений Института социологии ФНИСЦ РАН.

3. *Разработка и внедрение моделей государственно-частного партнерства как формы экономической конвергенции.* Эта модель предполагает интеграцию элементов централизованного планирования и рыночных механизмов, при которой основными бенефициарами становятся все участники корпоративной экономической системы, а не отдельные акторы (государство или частные предприниматели).

Изложенные выше проблемы станут центральной темой исследований, представленных в следующих выпусках журнала «Философские науки».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 2024 – Аксенова О.В. Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 81–96.

Ахиезер 1998 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2: Теория и методология. Словарь / 2-е изд., переработ. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса // VOX: философский журнал. 2024. Вып. 45.

Дашичев 2011 – *Дашичев В.И.* Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 72–87.

Карнеги 2024 – *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: АСТ, 2024.

Касавин, Порус 1999 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* От редакторов // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 9–20.

Лекторский 2004 – *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: URSS, 2009.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация, коллективность, диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Мариносян 2024 – *Мариносян А.Х.* Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 117–134.

Моисеев 1995 – *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. – М.: МГВР КОКС, 1995.

Розин 2024 – *Розин В.М.* Социальный диалог как проблема и условие медиации // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80.

Савельев 2024 – Савельев И.А. Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

Фрейд 1999 – Фрейд З. Я и Оно: сочинения. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999.

Хантингтон 2014 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014.

Хоркхаймер 2011 – Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+, 2011.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997.

Bush, Folger 2004 – Bush R.A.B., Folger J.P. The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

REFERENCES

Aksenova O.V. (2024) Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 81–96 (in Russian).

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Socio-cultural Dynamics of Russia. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco: Jossey-Bass.

Carnegie D. (2024) *How to Win Friends and Influence People*. Moscow: AST (Russian translation).

Dashichev V.I. (2011) Theory of Convergence and Russia's Path: From Past Mistakes to Choosing the Future. *Prostranstvo i vremya*. No. 4, pp. 72–87 (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2021) Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky's Non-Classics, A. Akhiezer's Mediation, and R. Grinberg / A. Rubinstein's Principle of Complementarity. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian

А.П. ДАВЫДОВ. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального...
Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Davydov A.P. (2024) Russia in Spring 2022: The Split in Society as the Basis of Sociocultural Crisis. *VOX: Philosophical Journal*. Vol. 45 (in Russian).

Freud S. (1999) *The Ego and the Id: Works*. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio (Russian translation).

Horkheimer M. (2011) *Eclipse of Reason*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Horkheimer M. & Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow: Medium; Saint Petersburg: Yuventa (Russian translation).

Huntington S. (2014) *The Clash of Civilizations* (T. Velimeev, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Kasavin I.T. & Porus V.N. (1999) From the Editors. In: Kasavin I.T. & Porus V.N. (Eds.) *Mind and Existence: Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking* (pp. 9–20). Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute (in Russian).

Lektorsky V.A. (2004) Is the Integration of Natural Sciences and Human Sciences Possible? *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 44–49 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2009) *Classical and Non-Classical Epistemology*. Moscow: URSS (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

Marinosyan A.K. (2024) Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 117–134 (in Russian).

Moiseev N.N. (1995) *Modern Rationalism*. Moscow: MGVP KOKS (in Russian).

Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116 (in Russian).